

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-355-373

EDN: BKHETF

Научная статья / Research article

«Чингисханы» XVII–XVIII вв.: между политикой и религией¹

Б.У. Китинов

Институт востоковедения РАН,
107031 Москва, л. Рождественка, 12

 e-mail: kitinov@mail.ru

Аннотация. У монгольских народов самые важные события и процессы традиционно соотносились с именем Чингисхана. Однако была одна сфера, где это имя получило нарицательное значение — его использование как титула или второго, в качестве дополнения к первому, т. е. особенного имени. Имя Чингисхана само по себе имело сакральный и одновременно табуированный смысл, что повлияло на его дальнейшую актуализацию. Целью исследования является выявление влияния религии на использование имени Чингисхана как титула лидерами монгольских народов в XVII–XVIII вв. Исследовательская проблема заключается в единстве и разнице толкования и сфере использования этого имени как титула, что можно наблюдать при изучении жизнедеятельности двух лидеров у восточных (чахаров) и западных (ойратов-хошут) монголов. Это были Лигдан и Лхавзан, причем первый был прямым потомком Чингисхана, второй считался потомком Хабуту, младшего брата Чингисхана. Автор пришел к следующим выводам: такое использование имени Чингисхана стало возможным ввиду влияния ряда факторов, актуализировавших имя Чингисхана: 1) борьба с сепаратизмом в условиях воздействия внешней силы; 2) стремление «начать заново», возглавить «новую эпоху процветания»; 3) необходимость идентифицировать себя как истинного лидера в условиях возрастания роли религии. Научный вклад заключается в определении многоаспектного значения имени Чингисхана, его использование в качестве титула имело общие основания и характеристики, и в целом оказало ожидаемые (хотя и в краткосрочной перспективе) результаты.

¹ Основу данной статьи составило выступление автора на международной конференции «Мир Чингисхана и монголоведение» в Улан-Баторе в августе 2022 г.

© Китинов Б.У., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Чингисхан, Лигдан, Лхавзан, Далай-лама, хаган, хан, маньчжуры, хошуты, чахары

История статьи: Поступила в редакцию: 25.05.2023. Принята к публикации: 08.08.2023.

Для цитирования: Китинов Б.У. «Чингисханы» XVII–XVIII вв.: между политикой и религией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 355–373. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-355-373>

“Genghis Khans” of the 17th–18th centuries:² between politics and religion

B.U. Kitinov

Institute of Oriental Studies RAS,
107031 Moscow, Rozhdestvenka str., 12

 e-mail: kitinov@mail.ru

Abstract. The Mongolian peoples traditionally associated crucial events and processes with the name of Genghis Khan. Nonetheless, that name acquired a nominal significance in one sphere, specifically as a title or an auxiliary name to the first, where it became a special name. The Genghis Khan name itself held a holy and tabooed implication that guided its subsequent realization. The study aims to investigate the impact of religion on the utilisation of Genghis Khan’s title by the Mongolian leaders during the XVII–XVIII centuries. The study focuses on two leaders of Mongolian peoples, the Chakhar in the east and the Oirat-Hoshut in the west, to examine the uniformity and diversity of interpreting and implementing this name as a title. They were Ligdan and Lkhavzan, with Ligdan being a direct descendant of Genghis Khan and Lkhavzan was considered to be a descendant of Khabutu, the younger brother of Genghis Khan. The author came to the following conclusions: such use of Genghis Khan’s name became possible due to the influence of a number of factors that actualised Genghis Khan’s name: 1) the struggle against separatism under the influence of external force; 2) the desire to “start anew”, to lead a “new era of prosperity”; 3) the need to identify oneself as a true leader under the increasing role of religion. The scientific contribution is to determine the multidimensional meaning of Genghis Khan’s name; its use as a title had common grounds and characteristics, and in general had the expected (albeit in the short term) results.

Keywords: Genghis Khan, Ligdan, Lhavzan, Dalai Lama, khagan, khan, the Manchus, the Khoshuts, the Chakhars

Article history: Received: 25.05.2023. Accepted: 08.08.2023.

For citation: Kitinov B.U. “Genghis Khans” of the 17th–18th centuries: between politics and religion. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(4):355–373. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-355-373>

² This article is based on the author’s speech at the international conference “World Genghis Khan and Mongolian Studies» in Ulaanbaatar in August 2022.

Хан, хаган и фактор религии

Фактически сразу же после смерти Чингисхана в 1227 г. возник вопрос с титулатурой его наследников, поскольку стал неясен титул главного хана, так как его сыновья, обладавшие собственными улусами, звались так же, как и Чингисхан, т. е. ханами. И. де Рехевильц считал, что следует различать специфику использования этих титулов до и после 1229 г., т. е. времени вступления на престол Угэдэя, третьего сына Чингисхана. Ранее был лишь титул «хан», и только Угэдэй, первый наследовавший Чингисхану, стал зваться *хаганом* [1. Р. 272–274]. Слово «хаган» (*qaγan*) проникло к политической культуру монголов благодаря сильному культурному влиянию уйгуров. С тех пор *ханами* стали звать правителей региональных монгольских народов, а *хаганом* — главу всего Великого монгольского улуса (*yeke Mongγol ulus*). Таким образом, хаганами были потомки Угэдэя и его брата Толуя вплоть до потомков Хубилая, основателя династии Юань, правившей в Китае с 1271 г.³

Особенно следует выделить роль религии во внутренней и внешней политике этих правителей, начиная с самого Чингисхана. Вот что писал известный персидский государственный деятель Джувейни о религиозных предпочтениях монгольского правителя: «Поскольку Чингисхан не был приверженцем какой-либо веры и не следовал никакому исповеданию, он не проявлял нетерпимости и предпочтения одной религии другой и не превозносил одних над другими... И так же, как он с почтением взирал на мусульман, так миловал христиан и идолопоклонников. И дети, и внуки его, по несколько человек, выбрали себе веру по своей склонности» [2. С. 20]. Мнение Джувейни в отношении толерантности и вероисповедания Чингисхана в целом совпадает с точкой зрения специалистов. В частности, Г.В. Вернадский приводит следующую информацию из «Ясы» Чингисхана: «Чингисхан... приказал, чтобы все религии были уважаемы, и не должно быть выказано предпочтение одной перед другими» [3. Р. 102]. Согласно В.В. Бартольду, изучившему прежде всего тюрко-мусульманские источники, «Чингиз-хан остался верным шаманистом» [4. С. 458]. Однако ряд ученых, отмечая приверженность монгольского правителя шаманистским практикам и техникам, преклонение перед шаманами (известный пример — Кокочу), все же считает верным отметить его особое отношение к учению буддизма: «Чингисхан был шаманистом. Но он и его последователи поддерживали связи с ламами, писали им» [5. Р. 506]; «среди родичей Чингисхана были ламы, достигшие высоких степеней; например, его двоюродный дед был Хутухта-мунгур, а его дядя — Хутухта-чжурки» [6. С. 57]. По мнению известного монгольского ученого Ш. Биры, Чингисхан, покровительствуя последователям различных религиозных воззрений, был более благосклонен к последователям буддийского

³ В последующем было еще несколько правителей с таким титулом, но они, за редким исключением (например, Даян-хаган), обладали властью лишь над ограниченной территорией.

учения [7. Р. 331]. По нашему мнению, эта точка зрения вполне обосновывается вновь обнаруженными или изученными источниками, а также в проводимых исследованиях. В частности, не так давно стало известно, что верхушку шлема Чингисхана украшала фигурка защитника буддийского учения (дхармапалы) — бодхисаттвы Ваджрапани [8. Р. 215]. В тибетском источнике «Красная книга» отмечается, что проповедник из школы Цал Кагью по имени «Цанг-па Дунгкур-па Вангчук Таши... ученик Шанг (ринпоче)... был приглашен... в Миньяк [к тангутам в государство Си-Ся] для распространения учения Цал Кагью⁴. После покорения государства Миньяк Чингисханом он... дал учение Чингисхану и был направлен им в Сог [к монголам] для проповеди доктрины Цал Кагью» [9. С. 452]. Как будет указано ниже, религиозный контекст власти в последующем окажется тесно сплетенным с титулатурой монгольских правителей и их политикой.

Последующие правители Монголии также оказывали покровительство буддизму, хотя со временем и оказались втянуты в межшкольные противоречия. Например, если Угэдэй и его потомки поддерживали различные направления тибетского буддизма, то Хубилай сделал свой выбор в пользу школы Сакья, и такое положение сохранялось практически вплоть до Лигдана, последнего хагана монголов.

С падением в 1368 г. Юаньской династии власть хаганов, фактически правивших лишь в Северной Монголии, оспаривалась ойратами (западными монголами), которые в первой половине XV в. были первыми министрами (тайши) у этих хаганов — потомков Чингисхана. В частности, ими были Эсэн и его отец Тогон из рода чоросов, в указанное время возглавлявших ойратов.

В 1437/1438 г. Тогон разбил восточномонгольских лидеров Адая и Аругтая и направил подарки императору Мин. Поскольку он сместил не-чингисида Адая, незаконно захватившего всемонгольский трон, то скоро стал популярен по всей Монголии. Однако этот ойратский правитель не торопился передать престол чингисиду Токто-Бухе, как было ранее между ними оговорено, возможно, поскольку сам хотел стать хаганом. Ранней весной 1439 г. на традиционной церемонии поклонения в Ордосе у священных юрт, где хранился *сульдэ* Чингисхана, Тогон вместо того, чтобы объявить о начале правления Токто-Бухи, стал хвалиться, что он, ойрат, не ниже его, великого Чингисхана. Согласно различным источникам, внезапно из юрты из колчана Чингисхана вылетела стрела, вонзившаяся в спину Тогона, и последний вскоре скончался [10. Р. 106; 11. С. 85; 12. Р. 502–503; 13. С. 440]. После этого Токто-Буха стал хаганом, он принял имя Дайсун (Тайсун) и назначил Эсэна тайши, с сохранением за ним всех отцовских титулов. Тогда же Эсэн возглавил все монгольские войска. Тайсун взял под правление восточную часть Монголии, Эсэн

⁴ Одно из течений в раннем тибетском буддизме, вероятно, первое, которое стало распространяться среди монголов.

отвечал за западную часть, т. е. за ойратов. В декабре 1446 г. Эсэн получил от минского двора особенную печать, но неясно, какой титул там был указан [14. Р. 361]. Будучи вторым человеком после хагана, Эсэн стремился проводить собственную политику, в т. н. налаживая собственные отношения с минским двором. Последующие события привели к потере ойратами своего влияния и консолидации сил восточных монголов.

С приходом к власти в Монголии юного Бату Менке (Мункэ)⁵, позже известного как Даян-хаган (прав. 1480?–1543 гг.) позиции ойратов еще более ослабели. Антиойратские походы Мандухай-хатун, бывшей вдовы чахарского правителя Мандугула, ставшей супругой Бату Менке, около 1510 г. привели к подчинению их основной части Бату Менке. Этот новый лидер подчинил своей власти все монгольские народы и провел ряд важных административно-управленческих реформ. В частности, он упразднил институт *тайшии* и создал систему *тайджи*, вторых после хана значимых правителей. Титул *тайджи* получали только чингисиды. Бату Менке стал первым хаганом-чингисидом, самостоятельно правившим впервые за столетие [16. Р. 138].

Кроме того, он перенес ставку из района Керулена и Орхона в регион Чахара. С тех пор только правители этого юго-восточного региона Монголии имели право зваться *хаганами*, которым должны были подчиняться все остальные монгольские лидеры.

С течением времени, когда вновь возросло число чингисидов, что привело к обострению проблемы лидерства, вопрос обладания высоким титулом вновь стал актуален среди потомков Чингисхана. Такие ситуации и процессы совпали с распространением новой волны буддизма из Тибета, на этот раз учения школы Гелук. И появился лидер, в котором сошлись оба процесса: актуализация проблемы титулатуры и необходимость отреагировать на текущие религиозные перемены. Им стал Алтан, возглавлявший южномонгольский народ тумэтов, который тяготился необходимостью признавать над собой власть чахарских правителей.

Алтан, силой добившийся признания со стороны династии Мин (он даже получил титул Сунь-ван (шунь-и-ван), дававший значительные торговые преференции, это усилило его позиции) [17. С. 232], нуждался в аутентичном статусе, который не только устроил бы его как чингисида, но также обозначил его особую роль. Ответ нашелся в сфере религии: в известной монгольской работе «Белая история» (монг. «Arban buyantu nom-un sagan teuke» — «Белая история о десяти добродетелях») было сказано, что высшим правителем может быть лишь правитель (хаган)-чакравартин, оказывающий покровительство ламам и учителям, распространяющий сутры и дхарани.

В политическом учении буддизма обычно упоминают два типа достойных правителей — *дхармараджа* и *чакравартин*. Они оба почитаются как

⁵ Он был правнуком Ээна, внуком его дочери Цэцэг (см.: [15. С. 37]), а по мужской линии был одним из последних представителей рода Борджигин.

«праведные правители», которым извечно присущи великолепные моральные, интеллектуальные и иные характеристики и качества, позволяющие им управлять своими народами и государствами в полном соответствии с *дхармой*. Важной задачей для *дхармараджи* и *чакравартина* является защита своей страны от нападений врагов (например, об этом говорится в таких известных работах, как «Сутра Золотистого Блеска» и «Сутра сетей Брахмы»). Более того — именно такие страны и пребывают под защитой «высших сил» — небесных правителей. Одно из важных отличий между титулами заключается в сфере геополитического: «идея чакравартина заключается в завоевании всего мира» [18. Р. 224].

Чакравартинами (хаганами-чакравартинами) монгольская историческая традиция считала Чингисхана и его внука Хубилая, основателя династии Юань. Вероятно, именно такие воспоминания и коннотации и позволили Алтану обратить должное внимание на жреческую (религиозную) функцию, присущую всем чингисидским правителям, как и на саму религию, в частности, молодую тибетскую школу Гелук. Еще в 1566 г. его племянник Хутухтай Цэцэнхунтайджи, тесня ойратов⁶, занял северный Амдо, где познакомился с ламами Борса, Канси, Дархан, Усундур Шанжин и Алтан Санджир [20. Р. 87], которые были приверженцами школы Гелук. Сам Алтан в начале 1570-х гг. имел тесный контакт с амдоскими ламами Ариг и Асен [21. Р. 111; 22. Р. 129, note 204].

Активная деятельность лам школы Гелук обусловила приглашение Алтаном в свои кочевья близ Кукунора лидера этой школы, ламу Соднам Гьяцо. В ходе встречи летом 1578 г. этот лама и Алтан-хан обменялись титулами: Соднам Гьяцо получил особенный титул — *Далай-лама* (ta-la'i bla-ma badzra dha ra: Лама — Океан учения), Алтан-хан — *Чокьи гьялпо* (chos ku'i rgyal po — Правитель веры) [23. С. 292; 24. Р. 646]. Эти титулы были важными маркерами положения и взаимодействия их обладателей, и далее именно такие контексты окажут важнейшее воздействие на право их носителя претендовать на безусловное правление; особенно это касалось монгольских лидеров.

Лигдан Чингисхан

Еще с конца XVI в. монголы (юго-восточные монголы) были заняты внутренними усобицами и все более попадали под орбиту влияния усиливавшихся маньчжуров, претендовавших на китайский престол. Попытку укрепить власть и влияние среди монголов предпринял чингисид Буянтайджи (Цэцэн-хан) (1555–1603 гг., хан с 1594 г.), однако она не оказалась

⁶ Эти ойраты были меньшей, второй группой этого народа, кочевавшей в северо-восточном Тибете. Первая, основная группа ойратов в то время уже продвигалась под натиском восточных монголов и тюрков в сторону южной Сибири. См.: [19].

успешной. Особенно раздробленность была характерна для чахаров, что выглядело особенно значительно (и потенциально опасно для всего монгольского государства) на фоне консолидации маньчжуров, объединившихся под властью Нурхацы (1559–1626 гг.)⁷. В 1604 г. хаганом стал Лигдан, внук Буян-тайджи. К этому времени авторитет этих правителей пал настолько низко, что их называли уже не монгольскими (всемонгольскими) хаганами, а лишь чахарскими ханами [13. С. 448].

Лигдан желал не только покончить с самовластием владельцев аймаков, «но и истребления всех ослушных вассалов, осмелившихся бороться с своим повелителем. Ожесточенные этой борьбой и притеснениями, аймачные владельцы решили совершенно оставить Лигдана и бежать от его постоянных нападений» [25. С. 115–116]. Недовольные политикой хагана отказывались исполнять его распоряжения и установили сношения с маньчжурами и другими его противниками⁸.

Летом 1626 г. Ооба хунтайджи, глава восточномонгольского народа харачинов, согласился на покровительство Нурхацы, «чтобы защитить себя от других монголов» [27. Р. 14; 20. Р. 291, note 22], поскольку несколько знатных людей из его окружения были убиты чахарами и халхасами. Более подробно ситуация раскрывается в «Мэн-гу-ю-му-цзи»: представители харачинов (карциньцев) сообщили Нурхацы и всему маньчжурскому двору о «беззакониях» чахарского правителя и предложили им помощь в борьбе с Лигданом. «По указу для личных переговоров с карциньцами был отправлен посланец. В 7-й луне карциньцы прислали ко двору ламу с 530 человек. Тогда князьям 3-й ст., Ацзиге и Шото, повелено было встретить их, угостить пиром и заколоть белую лошадь и черную корову для произнесения клятвы. В 9-й луне император лично выступил в поход против чахар» [17. С. 200, прим. 103]. Согласно «Алтан тобчи» в жертву принесли белого коня (Небу) и черного быка (Земле) [23. С. 296].

Таким образом, источники дают возможность заключить, что, кроме политических сфер, были и развивались особенные переходные или, точнее, общие зоны (сферы), где культуры монголов и маньчжуров могли контактировать без ущерба для своих принципиальных религиозных или иных постулатов. Судя по всему, у этих народов, кроме следования учению и практикам буддизма (огромное посольство от харачинов возглавил лама), большим влиянием обладал шаманизм, что подтверждается проведением особого обряда с лошадью и коровой между монголами и маньчжурами.

⁷ Нурхацы стал ханом в 1616 г.

⁸ У маньчжуров были и брачные связи с «некоторыми аймаками в восточной Монголии», и вскоре они стали «вмешиваться во внутренние дела Чахарского дома» [26. С. 200].

Армия Лигдана была разбита войском Хунтайджи (Абахай, правил как Тайцзун с 1636 по 1643 гг.), возглавившего маньчжуров после кончины Нурхаца в 1626 г. Хунтайджи «преследовал бегущих до гор Хиньганских» [28. С. 501]. Продвижение маньчжурских войск вынудило Лигдана уходить в западном направлении, в т. ч. в сторону русских территорий.

В отписке Красноярского воеводы А. Дубенского в Тобольскую приказную избу мы также находим: «...в нынешнем же во 137 году [1629. г.] мая в 11 день... Ивашко Тимофиев с товарищи приехали из Матарские земли и сказали в съезжей избе: идет де из-за Китайского царства царь неведомо какой, а называют его Дючюн-кан, а имени ему не знают, и Китайское царство взял и Лабинское государство взял же, и Алтына де царя розвоевал, а будет де мугал воевать. А называетца де: я де неверным царем всем царь⁹; один де велик государь царь русской, да я де другой царь, а больши де нас двух нет никою. А хочет де итти до русских городов» [29. С. 146]. Из документа следует, что чахарский лидер, упоминаемый как Дючюн-кан, воспринимался практически всеми соседями как враг и завоеватель.

Согласно архивному документу, вот что говорил о Лигдане томскому воеводе И.Ф. Татеву посол Алтын-хана Байгал Байсаев-бакши в конце 1631 г.: «Чагир-кан пришел из-за Китайского государства с полуденную сторону, а шол де подле моря сухим путем на конех, а тово де они не ведают — сколько чагир-кановы люди шли месяц или недель де Китайского государства, и сколь далече их чагир-канова земля за Китайским государством. А с Китайским де государством смежно Лабинская земля да Еушубинская да Желтые Мугалы, и тех де всех земель людей побил чагир-кановы люди, а возит де он с собою лабинских немногих людей. А первая де им весть к Олтыну учинилась про Китайское государство и про Лабинское, что взяли чагир-кановы люди, прибежал лабинской тотарин, а имя де ему Атушта, тому 3-й год. А послы приходили к Алтыну-царю на реку на Кемчик. А Китайское де государство взял подкопом, а подкоп де выведен был под стену и вышел среди города, а вытопил де их водою, а Лабинскую де землю взял же. А люди де с ним многие, а платье на них, сказывают, тулупы, а бой де у них пищальной и лучной и копейной» [29. С. 164].

Русских властей интересовал вопрос о происхождении Чагир-хана, откуда он родом и почему о нем ничего не было известно ранее. Вполне очевидно, что их беспокойство было обосновано необходимостью защиты сибирских

⁹ Интересный оборот («неверным царем всем царь»), прозвучавший в 1629 г., — важный малоизвестный исторический факт, определенно указывающий, что уже тогда Лигдан считался «неверным», вероятно, противником учения Гелук, которого придерживались немало восточных и практически все западные монголы.

территорий от нового неизвестного завоевателя. Следующая информация была получена от самого Алтын-хана, правителя государства хотогойтов на северо-западе Монголии: «И Алтын сказал: отец де Чагир-канов кочевал от нево, Алтына, своею ордою. И как де отец ево умер, и он, Чагир-кан, остался мал, и почала де ему быть от окольных орд обида. И он де от обиды, покиня отцовскую орду, с невеликими людьми отшел за моря тому де лет с 15 и больши. А как дё Чагир-кан взмужали за морем, собрався с людьми, пришол в отцовскую орду и с теми своими и отцовской орды с людьми те свои немирные земли, от ково ему была обида, поймал, и Китайское, и Лабинское государства взял. И ныне де с ним, с Чагир-каном, сказывают, люди многие, а бой де у нево лучшей и копейной и огненной, и стоит в Китайском государстве» [29. С. 170–171]. Здесь в жизнеописании чахарского правителя обнаруживаются некоторые параллели с жизнью Чингисхана: притеснения после смерти отца, годы лишений, объединение сотоварищей, желание отмщения за прошлые обиды.

Несколько более подробная и более верная информация о Лигдане, о причинах его войн с соседями, о ситуации на востоке Монголии была собрана посланниками Я. Тухачевским и Д. Огарковым (не позже мая 1635 г.): «Да у [Я]кова и у Дружины в наказе написано: велено проведать про Чагыр-кана подлинно. И в Мугальских землях Чагир-кана не бывало да и нонечя нет. А был мугальсково ж роду алтынов же сродник Чагарской земли Дючин-царь¹⁰ Чулона-царя, а бился с мугальскими цари за ясак, потому отец ево, Чолон [Цэцэн]-царь, имал со многих с мугальских царей ясак. А он, Дючина-царь, отца своево остался мал, и в тое пору те землицы ему, Дючину-царю, отказали и не послушали, и ясаку с себя ему не давали. А как Дючина-царь взмужал, и он, собрав свою Чагарскую землю, и те окольные земли воевал, которые ево не слушали и ясаку ему не давали. А нынча Дючина-царь от уртусково царя Контарачи (9) и от китайских людей убит. А на Китайское было ему государство и зрить немощно, не токма што ему Китайское государство взять, государство, сказывают, сильное» [29. С. 211].

Тем не менее, до того, как погибнуть, Лигдан успел завоевать ряд монгольских территорий: «И послы сказали, что Дючины не стало тому годы з 2, а был де он Мугальские ж земли, а воевал де он мугальских же людей князей, которые владели своими улусы и их побил: Ордосу-князя, Долон Тюмен-князя, Ченчабу-князя, Мунгузина-князя, Карачина-князя, Узана-князя, Керчина-князя, и тех деи он всех мугальских князей побил, а достальными людьми владел, и его деи, Дючины, не стало» [29. С. 256].

Действительно, в 1627 г. он подчинил себе тумэтов и ордосцев, занял Хух-Хото (Коке-Хото) и именно после таких завоеваний он стал угрожать

¹⁰ В русских документах Лигдан назван как Чагир, Чегир, Дючюн, Дючин.

халхасам, в т. ч. упоминавшемся выше Алтын-хану, и даже ойратам: «И говорит тот царь Чагир-кан¹¹: как де дойду до русских и я к ним, к руским людей, учну своих послов посылать, одноконечно де мне побивать Алтына-царя да белых и чорных калмыков» [29. С. 146]. Вероятно, именно эти угрозы и послужили основанием для Алтын-хана и других восточных монголов искать помощи и поддержки у русских властей.

Однако основным противником и врагом для Лигдана оставались маньчжуры, которые и заставили его покинуть родные кочевья на юго-востоке Монголии и переместиться западнее. А.С. Мартынов писал: «Хорошо известно, что поводом для открытой вражды между Нурхацци и Лигдан-ханом чакхарским послужил именно статусный вопрос. В 1619 г. Лигдан-хан направил ко двору Нурхацци посольство с грозным письмом, в котором он именовал себя «правителем монгольского государства с сорока десятками тысяч человек Батур Чингисханом» и требовал прекратить вторжения на территорию империи Мин» [30. С. 65]¹².

Между тем Лигдан имел все права на правление над Монголией. Вероятно, сложившиеся сложные обстоятельства, связанные с его борьбой за признание власти над монгольскими ханствами («за ясак») и нападения маньчжуров принудили его к актуализации всего, что было связано с именем его великого предка — Чингисхана, в том числе и само его имя. Лигдан был следующим монгольским правителем после Алтана, объединившим светские и сакральные титулы. Согласно «Шара туджи», его полный титул звучал как «Линдэн-хутухту, величайший, чингис-даймин-сэцэн, победоносный во всех сторонах света, пала-чакравартин, тай-тайсун, небожитель среди небожителей, всемирный Хормуста, повернувший золотое колесо, царь учения» [11. С. 89–90]. Как видно из титула, Лигдан обозначил себя перевоплощенцем высокого ранга (хутухту), светлейшим (даймин) и мудрейшим (сэцэн) правителем, защитником (пала) буддийского учения, вращающим оба колеса власти — светскую и религиозную (чакравартин); остальные титулы были повторением предыдущих. Таким образом, Лигдан своим сложным титулом, фактически, просто повторил то, что народная традиция приписывала Чингисхану — мудрое правление над всей землей и народами, защитник учения (религии)¹³. Однако до сих пор не ясно, когда или благодаря чему/кому он принял это имя как титул.

¹¹ Т.е. Хунтайджи, сын Нурхацци.

¹² Чахары показали себя «верными сообщниками последних [китайцев], и с одной стороны охраняли границы срединной империи, а в другой доставляли китайцам из своих прекрасных табунов лошадей для конницы и артиллерии» [25. С. 124].

¹³ Б. Нацагдорж приводит 15 вариантов имени Лигдана, где он упоминается как Чингисхан [31. С. 182–183]; в них Лигдан восхваляется в т. ч. в буддийских контекстах: правитель (держатель) государства и веры (*erten-ü qad-un törü sasin tegüsken bariγsan*), чакравартин, повернувший золотое колесо учения (*nom-un altan kürdün-i orčiγyuluγчи čakirvati*) и др.

Религиозные коннотации были присущи и маньчжурам.

Хунтайджи в религиозной сфере пошел по пути Лигдана — стал покровительствовать школам Сакья и Кагью,¹⁴ поскольку те среди монголов все еще обладали немалым авторитетом (фактически со времен Юань). На такой шаг повлияли, прежде всего, политические причины: Хунтайджи, с одной стороны, нужно было привлечь монголов к войне с Минским Китаем, с другой, он нуждался в идеологической основе для оправдания определенной преемственности своего правления (династии) от прежней монгольской Юань. Соответственно, предполагалось воссоздать и перенастроить важнейшие элементы юаньской политической структуры и системы, в которой значимое место занимали институты тибетского буддизма¹⁵.

Идея единства, вернее, преемства власти Чингисхана и его внука Хубилая ярко проявится в определенных аспектах политики маньчжуров, намеревавшихся захватить Пекин, но до того нуждавшихся в поддержке со стороны монголов. Это событие (начало подчинения монголов) оказалось также сопряжено с религиозными нюансами. Так, в 1634 г., когда маньчжуры разбили Лигдана, Абахая досталась статуя дхармапалы Махакалы, популярной фигуры из пантеона тибетского буддизма, покровителя Лигдана и юаньских императоров. Монахи, находившиеся при ней, перешли к нему. Согласно Н.Я. Бичурину у одной из супруг Лигдана была обнаружена «престолонаследственная печать Юаньского двора с китайской надписью»¹⁶. По случаю этого, а также по причине подчинения ряда других монгольских народов маньчжурский лидер «принял титул императора и царство свое наименовал Дацин, т. е. Великое Цинское. 1636 год есть первое лето сего Нового Царства» [28. С. 503]. Абахай объявил себя императором *хуанди* (*huangdi*, *hûwangdi*), тем самым фактически обозначив себя преемником династии Юань.

¹⁴ Духовными наставниками Лигдана были Майдари-хутухта и Цонэцорджи (от тибетской школы Карма Кагью) и Сакья Панчен Шарба Ананда Шри Бадра (от тибетской школы Сакья), причем последнему, прибывшему к хану в 1617 г., Лигдан вручил титул «Ваджрадара хутухту лама» [32. С. 15]. Что касается маньчжурских лидеров, то Нурхаци еще в 1621 г. был посвящен в практики школы Сакья представителем этого направления тибетского буддизма ламой Олуг Дархан Нанцо. См.: [33. Р. 51].

¹⁵ Эта черта политики маньчжуров отразится на влиянии буддийских иерархов у монголов: понимая значение и роль у них религии, императоры создавали баланс светской власти передачей аналогичного объема власти их духовным лидерам; таким образом, у монголов появились два высших социальных класса с альтернативной властью, из-за чего отпадала опасность их объединения и совместного действия. См.: [34. Р. 120].

¹⁶ Многие современные исследователи подвергают сомнению эту историю и считают, что она была выдумана маньчжурами для легитимации своего господства над монголами и последующего утверждения своей власти в Китае (напр., см.: [35]). Нечто подобное имело место в 1294 г., когда монголами была «найдена» нефритовая печать — «Печать, передающая Государство», которая использовалась всеми предыдущими династиями Китая, пока ее не потеряли чжурчжэни при покорении империи Сун. находка «стала важным аспектом пропаганды права монголов править Китаем» [22. Р. 69].

Как было замечено Б.Я. Владимирцовым, надо обратить внимание на политический подтекст тех событий, поскольку Цины успешно пользовались религией для достижения своих целей. Маньчжурам было крайне важно представить Лигдана как человека, решившего уничтожить буддизм, и в частности, учение Гелук, поскольку в таком случае «на второй план отступает главная причина гибели „последнего чингисханида“: соперничество и борьба с манджурами» [36. С. 241].

Лхавзан Чингисхан

В указанный период времени происходила консолидация власти у ойратов, возглавляемых хошутами-чингисидами. Большое влияние на такие процессы оказал хошутский Зая-пандита, который благодаря своим выдающимся достижениям на поприще учебы стал очень известным ламой и наставником, за что получил имя (звание) *Зая* (Победоносный). По окончании обучения его направили для проповеди учения Гелук к ойратам. И.Я. Златкин полагал, что тибетские лидеры командировали Зая-пандиту к ойратам не столько по религиозным, сколько по политическим причинам. Он также заметил, что это событие совпало по времени с периодом формирования трех ойратских ханств и разгромом чахаров [37. С. 26]. У ойратов к тому времени, вероятно, произошли изменения в трактовке права на власть чингисидов: была важна не принадлежность к прямым потомкам Чингисхана (Золотому роду), но следование его установлениям и преданность его Ясе. «Поскольку большинство монголов было под властью маньчжуров, ойраты, должно быть, считали себя единственными преемниками Монгольской империи, все еще гордившимися независимостью» [38. Р. 269].

Укрепление Гелук у ойратов в течение первой трети XVII в. и их успешные военные операции, давление со стороны маньчжуров, в том числе в религиозной сфере, оказали воздействие на политические процессы у восточных монголов — возникло ожидание появления лидера, духовного либо светского, кто бы их объединил. В то время, когда у восточных монголов продолжались споры, кто является ханом, а кто — хаганом, Далай-лама ввел новый титул, связанный с религией — Тензин (*bstan 'dzin* — защитник, покровитель учения), присуждавший за особые заслуги перед учением Гелук. Это нововведение повлияло на изменения в устоявшейся титулатуре правителей монгольских народов и в целом на их политическую культуру, которая прежде развивалась в дискурсе культа и наследия Чингисхана.

Среди ойратов первым титул Тензин получил хошутский лидер Гушихан, впоследствии его удостоился джунгарский правитель Галдан, известный также как Бошогту-хан. К. Этвуд отмечает «поразительное различие» между

политиями чингисидов и джунгаров¹⁷, заключавшееся в титуле их монархов, поскольку чингисиды носили титул «хан», тогда как джунгары обладали таким титулом редко, и он никогда не был наследственным [40. Р. 613]. Тем не менее, безусловное преклонение перед именем и памятью Чингисхана продолжало бытовать среди монгольских народов.

По-своему уникальный случай — обретение около 1703 г. тибетским ханом хошутом Лхавзаном, внуком Гуши-хана, титула (имени) Чингисхан. Не углубляясь в детали его прихода к власти и начала правления, следует отметить, что для необходимости укрепления им своего положения имелись вполне веские основания и причины — враждебность со стороны регента (дипы) Сангье Гьяцо (внутренняя причина) и угроза захвата Тибета со стороны других ойратов — джунгаров (внешняя причина). Лхавзан нуждался в том числе в обладании таким титулом, который позволил бы ему укреплять свой авторитет и влияние, и он, как и веком ранее Лигдан, обратился к титулу-имени Чингисхана.

Согласно жизнеописанию Чжамьян Шадбы, известного ламы школы Гелук, он еще в 1703 г. пожаловал Лхавзану имя Чингисхан [41. С. 177]. Б. Нацагдорж приводит цинский документ, где отмечено, что это имя хошутскому правителю вручил регент (дипа) Сангье Гьяцо [31. С. 190]. Под этим именем он был известен и у подданных джунгарского правителя Цэван-Рабдана: по свидетельству русского посланника капитана И. Унковского, общавшись с ним «бухарцы», подданные Цэван-Рабдана, сообщили, что «Араптан [Цэван-Рабдан] решил женить дочь за сына Чингис-хана, который живет при Далай-ламе» [42. К. 104]. Итальянский миссионер-иезуит И. Дезидери, пребывавший в начале 18 в. в Тибете, также именует Лхавзана Чингисханом и другом императора [43. Р. 255].

Лхавзан усиливал свои позиции в Лхасе путем противостояния регенту.

Между тем ситуация в Тибете получила специфическое развитие из-за того, что новый Далай-лама Шестой Цаньян Гьяцо, перевоплощенец Великого Пятого Далай-ламы Нгаванг Гьяцо, стал проводить довольно специфическую духовную политику и практику. Это вызвало противодействие со стороны ряда видных лам, выступавших за «чистоту» учения Гелук и составивших ему мощную оппозицию. К их числу относился и упоминавшийся выше известный Чжамьян Шадба. Нововведения Далай-ламы сформировали оппозицию в составе Дрепунга и Серы, которая обратилась за помощью к Лхавзану [Dreyfus]; последний тоже был недоволен вселиением регента и отказом Цаньяна Гьяцо от обетов несколькими годами ранее.

Дипа, из-за политической власти столкнувшись с давлением со стороны Лхавзана, был вынужден уйти в отставку, поставив на свое место

¹⁷ О времени происхождения и смысле (значении) имени джунгаров и роли в этом буддизма см.: [39].

сына — Нгаванг Ринчена. Тем не менее отношения между ними обострились¹⁸. В начале нового 1705 г. на одном из собраний высших лам в Потале было решено, что они оба (хан и регент) должны покинуть Лхасу [46. Р. 10–11]¹⁹. Лхавзан согласился уйти на Кукунор, где находилось основное население ханства хошутов, однако, добравшись до своих соплеменников в Нагчукла (северо-восточный тибетский регион на пути к Кукунору), он собрал верное себе войско и с ним двинулся обратно на Лхасу [47. Р. 130–131]. Сангье Гьяцо в спешке сформировал войска из ополчения центрально-тибетских регионов Уйа, Цзана и Нгари, но был довольно скоро разбит и пленен, содержался в крепости Гонкар. Там он был под охраной Церинг Таши, тибетской жены Лхавзана, которая 6 сентября 1705 г. казнила его [48. Р. 273; 49. Р. 109].

После победы над регентом Лхавзан был объявлен *гьялпо трипа* (rgyal po k'ri pa), полный же титул мог звучать как *Тензин Джингир* (Чингис) *гьялпо* (bstan 'dzin jin gir rgyal po) [48. Р. 273]. Он отправил отчет о событиях в Пекин. Император, недовольный бывшим регентом за сокрытие правды о смерти предыдущего (Пятого) Далай-ламы и нуждавшийся в поддержке хошутов для укрепления своей позиции в Тибете, поддержал Лхавзана и выслал ему титул «ифакун-шунь-хан» (I-fa-kung-shun-han²⁰) [46. Р. 15]. Хошутский хан, ставший единоличным правителем Тибета, столкнулся с новой оппозицией в лице Далай-ламы Цаньян Гьяцо. Вероятно, Лхавзан пытался достичь с ним каких-то договоренностей, но, поскольку Далай-лама был воспитан казненным дипой, такие попытки были обречены на провал.

Между тем, несмотря на отказ от данных обетов, Цаньян Гьяцо считался истинным Далай-ламой. Тибетцы в целом воспринимали поведение Далай-ламы как «чистое видение тантры» [51. Р. 142]. Согласно «Истории Галдана»: «В то время, благодаря святости Далай-ламы [Цаньян Гьяцо], его обеты были возвращены Панчену-богдо. Он вел себя как истинный йогин, и поэтому не имел себе равных. За это время Лхавзан хан несколько раз обращался по поводу него ко Двору» [44. Р. 125].

Трения между окружением Далай-ламы и хошутами, прежде всего с Лхавзаном завершились с решением цинского двора «схватить фальшивого Далай-ламу и доставить в Пекин» [20. Р. 332; 52. Р. 33]. В 1706 г. Цаньян Гьяцо был отправлен в Пекин, однако за пределами Лхасы на охранение ламы

¹⁸ Как следует из «Биографии Галдана», регент пытался отравить Лхавзана, однако благодаря снадобьям Чжамьян Шадбы он выздоровел [44. Р. 125–126; 45. С. 124].

¹⁹ До того регент организовал беспорядки в Сера против хана.

²⁰ Н.Я. Бичурин называет титул «Фуцзяо-Гуншунь-хан» — «Покровитель веры и покорный хан» [28. С. 534]. Согласно Б.Д. Дандарону это был «Фу-куо-нунг-шунх», и он переводит его как «Покровитель учения и верноподданный хан» [50. С. 142]. Очевидно, что в титуле отмечаются усилия Лхавзана по «наведению порядка» в ситуации с религией и поощряется стремление сохранять дружеские отношения с императором. Также заметим, что ханский титул фактическому правителю Тибета был предоставлен не Далай-ламой, а цинским императором.

напали монахи монастырей Дрепунг, Сера и Ганден, которые освободили его и привели в Дрепунг [53. Р. 43]. Хошуты потребовали вернуть ламу, пригрозив разрушить монастырь. Желая избавить монахов от страданий и притеснений, Далай-лама вернулся к своему эскорту. Добравшись в его сопровождении до окрестностей Кукунора, он 14 ноября 1706 г. по неясным причинам скончался²¹ у небольшого озера Кунганор.

Лхавзан заявил, что нашел «истинную» инкарнацию — Нгаванг Еше Гьяцо²², который был полностью зависим от нового тибетского правителя. Этот новый Далай-лама был признан Панчен-ламой Пятым и императором Канси, но не принят населением Лхасы и многими ламами. По мнению В.Д. Шакабпы, «люди не признали в нем истинное перевоплощение Далай-ламы» [54. С. 146]. Хошуты Кукунора, соплеменники Лхавзана, тоже не согласились с таким выбором, осуществленным без их участия [49. Р. 110]. Таким образом, политическая и религиозная ситуация в Тибете вновь оказалась на грани войны и мира.

В 1714 г. ламы Серы, Дрепунга и Таши-лхунпо обратились к джунгарскому хунтайджи Цэван-Рабдану за помощью в свержении Лхавзана, устранении «ложного» Далай-ламы и интронизации «истинного» воплощения — юного Калсан Гьяцо [55. Р. 32]. Последний был уже обнаружен и содержался в кукунорском монастыре Кумбум под охраной хошутов.

Это обращение, а также ряд других важных причин привели к тому, что в 1717 г. джунгарская армия (6 тыс. воинов) вторглась в Тибет через его западную часть, прошла форсированным маршем к центру страны и в начале ноября захватила Лхасу.

Лхавзан перед штурмом джунгарами Лхасы отправил в Пекин послание о помощи, однако направленная маньчжурами в Тибет кукунорская (хошутско-тибетская) армия не смогла оказать ему поддержки [56. Р. 47–48]. Сам Лхавзан погиб в бою у Поталы. По словам Панчен-ламы, «джунгары убили хана, потому что они его не узнали. Его ханша, сын и монгольская знать были арестованы... Командиры джунгаров сказали, что они должны встретиться со мной... на 14-й день... около 4000 воинов собрались в большом зале приема Поталы, где я проповедовал (им)» [57. Р. 419].

После смерти Лхавзана более уже не было в монгольской истории достойных правителей, носивших гордое имя Чингисхана.

Имя Чингисхана было актуально для всех народов и их лидеров, так или иначе соотносивших себя с этим великим правителем. В частности Ш. Лемерсье-Кельеже, изучавшая письма калмыцкого хана Аюки к турецкому падишаху, писала, что, когда началось восстание башкиров в начале

²¹ Смерть Далай-ламы Цаньян Гьяцо по пути в Пекин случилась от оспы [49. Р. 110]. Согласно китайским источникам, он умер от неизвестной болезни [20. Р. 34].

²² По мнению некоторых историков, он мог быть сыном самого Лхавзана. См., напр.: [46. Р. 17–20]. Нгаванг Еше был ламой в медицинском дацане Чакпори.

1700-х гг., русская власть просила помощи у Аюки, но он отказался, заявив, что «мы все являемся потомками Чингисхана, и принадлежим к одному народу» [58. Р. 69]. Французская исследовательница отметила: «Этот любопытный призыв к солидарности чингисидов, объединяющий мусульманские кочевые племена (башкиры, казахи и каракалпаки) и буддистов (калмыки) поверх религиозных различий, показывает живую устойчивость воспоминаний о великой Монгольской империи в восемнадцатом веке» [58. Р. 70]. Следует заметить, что речь все же идет не столько об империи, сколько об имени его создателя, что позволяет считать, что имя Чингисхана, иногда воспринимавшееся и как титул, обладало огромным значением для той части мира, история которой оказалась навсегда связана с этим человеком, объявленным человеком тысячелетия.

Заключение

Таким образом, с разницей практически в 100 лет два известных лидера монгольского мира получили имя Чингисхана как часть своего титула. В обоих случаях это была не попытка присвоить себе имя великого правителя, но результат влияния конкретных факторов (условий), актуализировавших имя Чингисхана:

- борьба с сепаратизмом в условиях воздействия внешней силы («призыв к объединению, солидарности»);
- стремление «начать заново», возглавить «новую эпоху процветания» («возрождение Золотого века монголов»);
- необходимость идентифицировать себя как истинного лидера в условиях роли религии («буддийский Чингисхан = чакравартин»).

Лигдан до последнего верил, что он — глава всей Монголии, а Лхавзан — что является главой всего Тибета, и даже Далай-лама подотчетен ему.

Возможно, именно ламы из окружения Лигдана и Лхавзана предложили трансформацию имени создателя Монгольской империи в титул (второе имя) при кризисе прежних систем управления, когда главным правителям противостояли сильные соперники; однако результат был бы очевиден без использования религиозного оформления. Чингисхан еще ранее был объявлен *чакравартином*, вращающим оба колеса власти — светское и духовное. Позже возобладало мнение, что только тот лидер мог возглавить народ, кто поддерживал буддийское учение (реализация мощи светского колеса), за что освящался ламами именем Чингисхана (проявление мощи духовного колеса). И Лигдан, и Лхавзан назвались Чингисханами для обоснования своего права руководить делами государства и веры. Это были масштабно мыслявшие лидеры своего времени, а имя Чингисхана как будто давало им «высшую» протекцию. И религия также оказала им свою поддержку, и в целом это были времена определенного ренессанса общемонгольского духа.

Быть Чингисханом, т.е. обладать этим именем как титулом, означало высочайшую ответственность в достижении стабильности в сложные переходные времена, для обретения милости высших сил и верности подданных.

Библиографический список

1. *Rachewiltz I.D.* Qan, qa'an and the seal of Güyüg // *Documenta barbarorum: Festschrift für Walther Heissig zum 70. Geburtstag / hrsg. v. Klaus Sagaster, Michael Weiers.* Wiesbaden: Harrassowitz, 1983. P. 272–281.
2. *Джувейни Ала-ад-дин.* Чингисхан. История завоевателя мира / пер. текста с англ. на рус. язык Е.Е. Харитоновой. М.: Издат. дом Магистр-пресс, 2004.
3. *Vernadsky G.* The Mongols and Russia. New Haven, 1953.
4. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1963. Т. 1.
5. *Howorth H.* History of the Mongols from the IX-th to the XIX-th Century. Pt. 1. The Mongols proper and the Kalmuks. London, 1876.
6. *Киселев С.В., Евтюхова Л.А., Мерперт Н.Я. и др.* Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965.
7. *Douglas W.O., Conger D.* Journey to Outer Mongolia // *National Geographic.* 1962. March.
8. *Charleux I.* Chinggis Khan's ancestor, Buddha or Shaman? // *Mongolian Studies.* 2009. Vol. 30–31.
9. Tshal pa kun dga rdo rje brtsams. Deb ther dmar po. Beijing, 1981. (Красная книга.)
10. *Sayang Sečen.* Erdeni-yin Tobči ('Precious Summary'). A Mongolian Chronicle of 1662. Canberra: Australian National University, 1990.
11. Желтая история (Шара туджи). пер. с монг., транслитер., введ. и комм. А.Д. Цендиной. М.: Восточная литература, 2017.
12. *Jamsran L.* Attempts to Overcome a Crisis of State: the Oirats Gain in Strength // *The History of Mongolia.* Vol. II. Part 3. Yuan and Late Medieval Period / ed. by D. Sneath and C. Kaplonski. *Global Oriental,* 2010. P. 497–507.
13. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // *Работы по истории и этнографии монгольских народов.* М.: Восточная литература, 2002. С. 295–488.
14. *Serruys H.* The Office of Tayisi in Mongolia in the fifteenth Century // *Harvard Journal of Asiatic Studies.* 1977. Vol. 37. № 2. December. P. 353—380.
15. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983.
16. *Atwood Ch.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. Fact on Line, Inc., 2004.
17. *Чжан-му, Хэ Цютао.* Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях.) / пер. с кит. П.С. Попова. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1895.
18. *Zimmermann M.* Only a Fool Becomes a King: Buddhist Stances on Punishment // *Buddhism and Violence / ed. by M. Zimmermann and the assistance of Chiew Hui Ho and Philip Pierce.* Lumbini: Lumbini International Research Institute, 2006. P. 213–242.
19. *Китинов Б.У.* Миграции ойратов в первой четверти XVII в. накануне возвращения в Джунгарию // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история.* 2021. Т. 13. № 4. С. 420–430. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-4-420-430>
20. *Ahmad Z.* Sino-Tibetan relations in the seventeenth century / *Serie Orientale, XL.* Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1970.
21. *Bell Ch.* The Religion of Tibet. New Delhi, Madras: Asian Educational Services, 1992.
22. *Elverskog J.* The Jewel Translucent Sutra. Altan Khan and the Mongols in the Sixteenth Century. Leiden-Boston: Brill, 2003.
23. *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи (Золотое сказание). пер. с монг., введ., комм. и приложения Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973.

24. *Okada H.* The Third Dalai Lama and Altan Khan of the Tümed // *Tibetan Studies. Proceedings of the V Seminar of the International Association for Tibetan Studies.* Narita, 1989. Naritasan shinshoji, 1992. Vol. 2. P. 645–652.
25. *Позднеев А.М.* Монгольская летопись Эрдэнийн эрихэ. Подлинный текст с переводом и пояснениями. Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1883.
26. *Бичурин Н.Я.* Записки о Монголии. Том. 2. СПб.: Типография Карла Крайя, 1828.
27. *Elverskog J.* Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. University of Hawai'i Press, 2008.
28. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии / Сост. Л.Н. Гумилев, М.Ф. Хван. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1960.
29. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636: Сборник документов / Сост. Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: ГРВЛ, 1959.
30. *Мартьянов А.С.* Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978.
31. *Нацагдорж Б.* Монголын түүхэнд хэдэн Чингис хаан байсан бэ? // Монголын нууц товчоон судлал. Улаан-Баатар, 2015. С. 180–196.
32. *Скрынникова Т.Д.* Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI — начало XX века. Новосибирск: Наука, 1988.
33. *Grupper S.M.* Manchu Patronage of Tibetan Buddhism during the First Half of the Ch'ing Dynasty // *Journal of Tibetan studies.* 1984. № 4. P. 47–76.
34. *Moses L.W.* The Political Role of Mongol Buddhism. Indiana University Uralic Altaic Series. Vol. 133. Indiana University Press, 1977.
35. *Weiers M.* Die Historische Dimension Des Jade-Siegels Zur Zeit Des Mandschuherrschers Hongtaiji // *Zentral-Asiatische Studien.* 1994. Vol. XXIV. P. 119–145.
36. *Владимирцов Б.Я.* Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи // Работы по истории и этнографии монгольских народов. / Б.Я. Владимирцов. М.: Восточная литература, 2002. С. 221–246.
37. *Златкин И.Я.* Зая-Пандита как политический деятель // 320 лет старокалмыцкой письменности: материалы научной сессии. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1970. С. 21–40.
38. *Miyawaki J.* The Chinggisid Principle In Russia // *Russian History.* 1992. Vol. 19. № 1/4. P. 261–277.
39. *Kitinov B.U., Lyulina A.G.* Dzungar: religion and designation // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2023. Вып. 3. С. 173–184.
40. *Atwood Ch.* Titles, appanages, marriages, and officials: a comparison of political forms in the Zunghar and Thirteenth Century Mongol empires // *The History of Mongolia.* Vol. II. Part 3. Yuan and Late Medieval Period / ed. by D. Sneath and C. Kaplonski. Global Oriental, 2006. P. 610–634.
41. *Гончог-Чжигмэд-Ванбо.* Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже, могущественного ученого и сиддха, называющееся «Брод, ведущий к удивительно благому делу» / Введ., пер., комм. Н.В. Цыремпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.
42. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд 113. Описание 113/1. Дело 1. 1724 г.
43. *Desideri I.* Mission to Tibet: the extraordinary eighteenth-century account of Father Ippolito Desideri, S.J. / transl. by Michael J. Sweet; ed. by Leonard Zwilling. Wisdom Publications, 2010.
44. *Heissig W.* Ein mongolisches Textfragment über den Olötenfürsten Galdan // *Sinologische Arbeiten.* Deutschland Institut Peking, 1944. № 2. P. 92–160.

45. Джамбадорджи. Хрустальное зеркало // История в трудах ученых лам. М.: Т-во научных изданий КМК, 2005. С. 62–154.
46. *Petech L.* China and Tibet in the early XVIIIth century: history of the establishment of Chinese protectorate in Tibet. Second, revised edition. Leiden: E.J. Brill, 1972.
47. *Aris M.* Hidden Treasures and Secret Lives: A Study of Pemalingpa, 1450–1521, and the Sixth Dalai Lama, 1683–1706. Shimla: Indian Institute of Advanced Study, 2015 (reprint of 1988).
48. *Petech L.* Notes on Tibetan History of the 18th Century // T'oung Pao. Second Series. 1966. Vol. 52. Livr. 4/5. P. 261–292. URL: <http://www.jstor.org/stable/4527650> (дата обращения: 11.12.2019).
49. *Pomplun T.* Jesuit on the Roof of the World: Ippolito Desideri's Mission to Tibet. Oxford University Press, 2009.
50. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы». Сочинение Сумба Хамбо. Пер. с тибет., введ. и примеч. Б.Д. Дандарона. М., 1972.
51. *Kapstein M.T.* The Tibetans. Malden, Blackwell, 2006.
52. Bod mi'i khrims mthun gzhung dga' ldan pho brang dbu brnyes nas lo 360 'khor ba'i bka' drin rjes dran dang ma ongs mdun bskyod ky'i kha phyogs. Vol. 1. Dharamsala: LTWA, 2002.
53. *Kitinov B.U.* Shakur Lama: the Last Attempt to Build the Buddhist State // Buddhism in Mongolian History, Culture and Society. / ed. by Vesna Wallace. Oxford University Press, 2015. P. 37–52.
54. *Шакабна В.Д.* Тибет. Политическая история. СПб.: Нартанг, 2003.
55. *Rockhill W.W.* The Dalai Lamas of Lhasa and Their Relations with The Manchu Emperors of China 1644–1908. Dharamsala: LTWA, 1998.
56. *Китинов Б.У., Лю Цян.* Религия в ойратской политике династии Цин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 44–55.
57. *Shakabpa T.W.D.* One hundred thousand moons: an advanced political history of Tibet. Translated and annotated by Derek F. Maher. Vol. 1. Leiden, Boston: Brill, 2010.
58. *Lemercier-Quelquejay C.* Les Kalmuks de la Volga entre l'Empire russe et l'Empire ottoman sous le règne de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. Janvier-Mars 1966. Vol. 7. № 1. P. 63–76.

Информация об авторе:

Китинов Баатр Учаевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, e-mail: kitinov@mail.ru.
ORCID: 0000-0003-4031-5667